

УДК 81.161'37

ПОЛИСЕМИЯ СУФФИКСОВ ИМЁН ДЕЙСТВИЯ

© 2009 г.

Д.А. Осильбекова

Московский государственный педагогический университет

daniya_osilbekova@gambler.ru

Поступила в редакцию 24.12.2008

Рассматривается словообразовательная семантика имён действия. Совмещение процессуального и предметного значений рассматривается как явление, обусловленное полисемией суффикса. Имена действия, имеющие предметные значения, формируют переходную зону между синтаксической и лексической деривацией.

Ключевые слова: синтаксическая и лексическая деривация, имена действия, словообразовательный аффикс, полисемия.

Разграничение омонимии и полисемии словообразовательных аффиксов является одной из самых сложных проблем русской дериватологии. Решение этой проблемы особенно актуально для имён существительных, в семантике которых совмещается значение действия с предметными значениями.

Как известно, Е. Курилович противопоставил лексическую и синтаксическую деривацию по функциональному признаку. Синтаксическим дериватом он называл форму «с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией» [1, с. 61]. «В то время как синтаксическая деривация происходит внутри одного и того же лексического значения..., деривация лексическая предполагает, что исходное и производное слова идентичны друг другу по первичной синтаксической функции» [1, с. 63].

К понятию синтаксической деривации близко понятие транспозиции. М. Докулил под транспозицией понимал перевод слова из одной части речи в другую без изменения лексического значения этого слова. Сюда он включал относительные прилагательные и отглагольные названия действия [2]. Транспозиции были противопоставлены модификация и мутация¹.

Имена действия традиционно относятся к синтаксическим дериватам, однако, как отмечается в грамматиках и толковых словарях русского языка, значению действия регулярно сопутствуют предметные значения. Так, в Русской грамматике-80 [3] из 39 словообразовательных типов производных, называющих действие, отмечено 11 типов, имеющих вторичные предметные значения. Например, высокопродуктивные производные с суффиксами: *-ацц|j|(a)/-цц|j|(a)/-и|j|(a)* (*деградация, стилизация, компи-*

ляция); *-к(a)/-овк(a)/-ёжк(a)/-ачк(a)/-анк(a)* (*плавка, стрижка, браковка*), *-ни|j|(e)/-ени|j|(e)/-ани|j|/-ти|j|(e)/-и|j|(e)* (*лечение, наказание, взятие*) имеют следующие предметные значения: 1) 'орудие, средство действия': *вентиляция, изоляция; указка, трамбовка, приколка; зажигание, крепление, удобрение*; 2) 'результат действия': *комбинация, аннотация, организация; вышивка, насечка, заготовка*; 3) 'объект действия': *получка, жвачка, закуска*; 4) 'объект и результат действия': *владенье, вязание, варенье*; 5) 'производитель действия: *управление, командование, население*; 6) 'место действия': *инспекция, редакция; мойка, скупка, зимовка*.

Имена действия, не имеющие предметных значений, относятся в основном к малопродуктивным словообразовательным типам или к единичным образованиям. Кроме того, многие из этих производных могут иметь предметные значения, хотя это и не фиксируется Русской грамматикой-80. Например, производные с суффиксами *-|и|ш* (*выигрыш, проигрыш*), *-он* (*выпивон, закусон* "простор."), *-ств(о)* (*устройство, руководство*), *-ур(a)*: (*корректурa*), *-ч(a)* (*раздача*), *-арий* (*комментарий*), *-ель* (*метель*). Ср.: *Забрать выигрыш; Проигрыш составил большую сумму; Принести выпивон; Купить закусон; Регулирующее устройство; Доложить руководству; Ознакомиться с руководством по применению; Сдать корректуру; Стоять на раздаче; Прочитать комментарий; Метель замела дороги.* Таким образом, значения отвлеченного процессуального признака и предмета регулярно совмещаются.

Интерпретация наличия у наименований действия предметных значений зависит от взгляда на чёткость границ между синтаксической и лексической деривацией. Определение

предметных значений как результата метонимического переноса значения действия на предмет исходит из признания чёткости границ между синтаксической и лексической деривацией и, следовательно, между транспозиционными и мутационными словообразовательными значениями, как это делается в Русской грамматике-80. При этом форманту производных, совмещающих в своей семантике процессуальное и предметное значения, приписывается лишь значение действия.

Однако ряд исследователей признает относительность границ между лексической и синтаксической деривацией. И.Г. Милославский рассуждает по этому поводу: «Как кажется, синтаксическая деривация в определенной степени указывает на тот круг слов, где нет формально не выраженных значений. Однако лишь в определённой степени. ...Одно и то же многозначное слово в одном из своих значений может выступать как результат синтаксической деривации, а в другом – как результат лексической деривации: *охранять* – *охрана* (имущества) и *охранять* – *охрана* (сообщает). В первом случае *охрана* – это «определённое действие от глагола *охранять*, во втором – круг лиц, занятых тем, что они охраняют» [4, с. 69–70].

З.И. Резанова, анализируя зоны переходов между основными сферами словообразования, приводит примеры словообразовательных моделей, совмещающих синтаксические и лексические преобразования, например, «основа глагола + Ø суффикс»: *утратить* – *утрата* и *брюзжать* – *брюзга*. Однако замечает, что «более интересными представляются примеры словообразовательных типов, в рамках которых создаются производные в результате одновременного действия двух разнонаправленных преобразований». Например, «сочетание синтаксической и лексической мены»: *набойка* каблучков и *набойки* на каблучках [5, с. 18].

А.Г. Максапетян видит в данном явлении категориальный синкретизм словообразовательных типов. Словообразовательные типы, совмещающие значения 'отвлеченный процессуальный признак/носитель процессуального признака' рассматриваются как «архитипы и немаркированные члены привативных словообразовательных оппозиций по наличию/отсутствию сигнализации семантического маркера 'физический объект', а свойственная им категориальная двузначность как следствие системной нейтрализации указанных оппозиций, которая ознаменовывается тем, что немаркированный член, (т.е. словообразовательный архитип), предназначенный для выражения значения 'граммати-

ческая предметность', имплицитно выражает значение маркированного противочлена (это изначально однозначные, конкретно-предметные СТ² словообразовательные типы -ак, -аль, -арь, -ень...) – 'физическая предметность'...» [6, с. 6–7]. Таким образом, «категориальная неоднозначность словообразовательного типа, которая делает его конституентом по меньшей мере двух словообразовательных категорий, интерпретируется в работе не как омонимия и не как полисемия, а как гипонимия межкатегориального порядка» [6, с. 1].

На наш взгляд, говорить о синкретизме значений отвлечённого действия и конкретного предмета можно с той оговоркой, что предметные значения хотя и регулярно сопутствуют именам действия, но не являются обязательными для всех производных в рамках одного словообразовательного типа. Что же касается нейтрализации семантической оппозиции 'действие' – 'предмет', то нейтрализация или неразличение значений характерно для всех одноименных языковых единиц вне контекста.

Наиболее широко в русской дериватологии представлено мнение, что соотносительность отглагольного производного с процессуальным и предметными значениями связана с неоднозначностью (полисемией или омонимией) суффиксов. Так, И.Г. Милославский рассматривает полисемию как особое, отличительное свойство суффиксов с категориальным значением: «Суффиксы, обладающие конкретным значением, дополнительных значений, как правило, не создают... Суффиксы, обладающие только категориальным значением, делятся на две группы: одни из них не создают дополнительного значения, участвуя только в синтаксической деривации, другие – создают дополнительное конкретное значение... Таковы, например, суффиксы -н/я/: *мазня* (процесс и предмет), *стряпня* (процесс и предмет), *беготня* (процесс), *квашня* (предмет) или -к/а/: *жатка* (предмет), *встряска* (процесс), *подчистка* (процесс и предмет)» [4, с. 71].

В учебном пособии по современному русскому словообразованию Э.А. Балалыкиной и А.Г. Николаева даются регулярные модели, порождающие омонимию суффикса, например, суффикса -к(а): «действие→орудие действия (*шинковка* капусты – *шинковка* для капусты; *оклейка* окон – *оклейка* для окон и др.); действие→результат действия (*вышивка* цветов – красивая *вышивка*, *выемка* грунта – большая *выемка* и др.); действие→место действия (*ночёвка* в степи – большая *ночёвка* и др.); дейст-

вие → время действия (*подписка* продолжалась – при *подписке*) и т.д.» [7, с. 154].

В ряде работ по историческому словообразованию омонимия или полисемия аффикса представляется следствием трансформации лексической семантики производного слова в словообразовательную. Так, В.М. Марков пишет о формировании омонимии словообразовательных морфем: «В результате всё более последовательного осуществления семантического словообразования по аналогии в сфере морфемных образований последние могут усваивать новое типовое значение, что приводит к возникновению новых словообразовательных морфем в силу закрепления новых ассоциаций между значением и формой» [7, с. 22].

Г.А. Николаев также считает, что наличие предметных значений у производных с отвлечённым значением – это следствие взаимодействия семантического и морфологического словообразования: «Семантическое новообразование в ходе этого взаимодействия приобретает чаще ту же соотнесенность, что и его производящее, т.е. начинает соотноситься с тем же словом, на базе которого возникло его производящее (*посадить* → *посадка* в значении действия и места действия: «собирали грибы в посадке»...)» [8, с. 61]. Возникшая омонимия морфем приводит к распадению словообразовательных типов на омонимичные типы [8, с. 80].

Однако, как полагает Р.М. Гейгер, новые лексические значения производных обуславливают не омонимию, а полисемию форманта: «Образованные исконно моносемантическими суффиксами-формантами, производные в процессе функционирования могут приобретать новые лексические значения. Становясь регулярными в отдельных тематических группах лексики, такие значения «созревают» в семантической структуре производных слов и, независимо от их лексико-семантической природы, начинают коррелировать с формантом, тем самым принципиально меняя свой уровневый статус, в чем, как нельзя более наглядно, проявляется сущность межуровневых связей» [9, с. 5]. В качестве примера приводится история приобретения неличных (предметных) значений личными суффиксами (например, *-тель*), а также приобретение предметных значений транспозиционными суффиксами: «Аналогичный механизм лежит в основе порождения словообразовательных предметных значений в транспозиционных суффиксах, которые исконно имели чисто категориальное значение и образовали девербальные имена со значением действия. Есть все основания считать, что в производных

именах, например, на *-к(а)*, мотивированных глаголами, типа *заклёпка*, *обёртка*, *ключка*, *завязка* (шнурок), *выручка* (доход), *отмашка* и т.д. суффикс *-к(а)* обладает собственно словообразовательным значением предметности, которое реализуется в словообразовательном акте непосредственно» [9, с. 5–6].

Итак, наличие у имен действия предметных значений интерпретируется по-разному: и как метонимический перенос значения действия на конкретные предметы, и как синкретизм словообразовательных типов, обусловленный межкатегориальной гипонимией, и как неоднозначность производных слов, связанная с неоднозначностью аффикса.

Мы считаем, что имена действия на современном этапе развития русского языка действительно имеют неоднозначный формант. Однако рассматривать процессуальные и предметные значения форманта как омонимичные мешает, во-первых, наличие общего компонента в значениях ‘действие как процесс’ и ‘действие как характеристика предмета’; во-вторых, регулярное совмещение эти значений.

На наш взгляд, параллелизм лексической и словообразовательной семантики проявляется как в наличии омонимии и полисемии словообразовательных аффиксов, так и в типах их полисемии. Словообразовательным суффиксам имен существительных присуща не только неоднократно описанная в лингвистической литературе полисемия суффиксов, выражающих частные (вариантные) значения в рамках общего (инвариантного) значения, но и другие типы полисемии. Специфика полисемии суффиксов имён действия заключается в том, что ее формируют два типа семантических отношений. К первому типу относится связь абстрактного значения действия и конкретного значения ‘предмет, характеризующийся действием’. Значение действия является общим семантическим компонентом двух значений – транспозиционного и мутационного: ‘действие как процесс’ и ‘предмет, характеризующийся действием’. Второй тип отношений связывает предметные значения. Это связь инварианта и выводимых из него вариантов. Например, общее значение предмета производных с нулевым суффиксом (м.р., 1 скл.) включает в себя частные значения: 1) ‘орудие действия, приспособление’: *зажим*, *привод*, *слив*; 2) ‘объект и результат действия’: *отвал*, *вырез*, *подкоп*; 3) ‘место действия’: *загон*, *забой*, *вход*.

Таким образом, полисемия отглагольных существительных, имеющих значение действия и предмета, обусловлена полисемией словооб-

разовательного форманта (суффикса), выполняющего функции транспозиции и мутации. Совмещение этих значений в семантике производного слова формирует переходную зону между синтаксической и лексической деривацией.

Примечания

1. Под мутацией принято понимать образование производного слова с новым лексическим значением, отличным от значения производящего слова, например: *деспот* – *деспотия*, *старый* – *старик*, *изолировать* – *изолятор*. Модификация – это видоизменение лексического значения производящей основы в производном слове, например: *дом* – *домик*, *нога* – *ножища*, *студент* – *студентка*.

2. СТ – словообразовательный тип.

Список литературы

1. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. К теории частей речи // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 57–70.

2. Dokulil M. Tvoření slov v češtině, 1. Praha, 1962.
3. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980.
4. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980.
5. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования. Русское производное имя. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986.
6. Максапетян А.Г. Вопросы парадигматики словообразовательных категорий (семантическая интерпретация категориального синкретизма отглагольно-субстантивных словообразовательных типов в современном русском языке): Автореферат дис... канд. филол. наук. Тбилиси, 1984.
7. Балалькина Э.А., Николаев Г.А. Русское словообразование: Учебное пособие. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985.
8. Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981.
9. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1987.
10. Гейгер Р.М. О механизме развития суффиксальной полисемии // Словообразование в современном русском языке. Омск: Изд-во Омского ун-та, 1988. С. 4–7.

THE POLYSEMY OF SUFFIXES OF ACTION NOUNS

D.A. Osilbekova

The paper is focused on derivational semantics of action nouns. The combination of process and subject meanings is explained by the polysemy of a suffix. Action nouns with subject meanings form an intermediate zone between syntactic derivation and lexical derivation.

Keywords: syntactic and lexical derivation, action nouns, derivational affix, polysemy.